НЕИЗВЕСТНЫЕ РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ КУРСЫ ФИЛОСОФИИ СЕРЕДИНЫ XVIII в.

О. Е. Кошелева, Б. Н. Морозов

XVIII век принес России бурное развитие наук, что не могло не отразиться на формировании светской философской мысли. На первом этапе ее становления оказалось необходимым освоение философского наследия нового времени.

Наиболее популярной стала философская система Христиана Вольфа (1679—1754), которая привлекала к себе рационализмом, доступным изложением, тесной связью с естественными науками. При этом вольфианская философия не вступала в противоречие с догмами церкви, что позволило государству положить ее в основу системы преподавания философии в высших учебных заведениях. Следует отметить и роль тесных личных контактов Хр. Вольфа с Петром I и М. В. Ломоносовым.

Философия Вольфа бытовала в России в течение длительного периода — с первой половины XVIII вплоть до начала XIX в. Однако в советской историографии по русской культуре XVIII в. влияние вольфианской системы явно недооценивалось.

Сам Вольф, будучи популяризатором и систематизатором идей Г. Лейбница, стремился разработать единую и всеобъемлющую систему знаний. Та детальная классификация понятий, за которую Хр. Вольфа иногда критиковали и обвиняли в педантизме, была полезна на раннем этапе становления светской философии в России. Много трудов он посвятил распространению естественнонаучных знаний. Его сочинения были переведены и широко известны в России, однако из собственно философских трудов на русском языке в XVIII в. напечатано лишь одно: «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. . . Переведена в 1753 г. Б. М. Печатана в Санктпетербурге при типографии Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса 1765 года»[1]. Данный трактат содержит курс логики и предназначен «для начинающих», как явствует из «Авторова предисловия».

Труды Вольфа, при крайнем недостатке учебников в России, использовались именно в качестве таковых и пропагандировались в первую очередь Ломоносовым, высоко ценившим преподаватель-

скую деятельность Хр. Вольфа. В отношении вольфианской философии еще Феофан Прокопович отмечал, что она является наукой для начинающих, а не для ученых [2].

Свое отражение лейбнице-вольфианская система нашла в неоднократно издававшихся переводах учебников немецкого философа Фр. Баумейстера (1708—1785), первые их издания: «Логика», переведенная студентом Московского университета А. Павловым, — 1760 г., «Метафизика», также изданная Московским университетом, — 1764 г.[3], «Нравоучительная философия . . .» в переводе профессора Д. Синьковского — 1788 г. Из них русские читатели XVIII в. могли почерпнуть сведения об одной из систем западноевропейской философии нового времени.

Важным в истории становления светской философии в России в XVIII в. является вопрос об ее преподавании в высших учебных заведениях. До сих пор мало известно о том, какие конкретно философские системы и на каком уровне изучали студенты Славяно-греко-латинской академии, Петербургского Академического и Московского университетов в середине XVIII в. в отличие от введенных в научный оборот философских курсов Киево-Могилянской академии [4].

Безусловно значение Петербургского Академического университета в развитии науки и культуры, хотя число студентов в нем было незначительно; важное место в его программах занимал курс философии. Из стен университета вышли такие деятели русского Просвещения, как первый профессор философии Московского университета Н. Н. Поповский и ученый-энциклопедист, автор «Философических предложений» Я. П. Козельский.

Читать курс логики и метафизики начал один из иностранных ученых, приглашенных в 1725 г. в Академию наук, физик и философ лейбнице-вольфианской школы Г. Б. Бюльфингер, как и большинство других первых академиков приехавший в Россию по личной рекомендации Хр. Вольфа. В своих лекциях он использовал и книгу «Начала Ньютонианской философии» (1723 г.) [5]. Известно также, что он составлял инструкции и учебники [6]. В 1726—1729 гг. объявлялись лекции академика Хр. Мартини по логике и метафизике, «следуя философии Тумико», т. е. Л.-Ф. Тюммига, немецкого физика и философа, последователя Вольфа [7]. Академик Бюльфингер покинул Россию в 1731 г. Тогда же уехал и его ученик Гросс, бывший до этого профессором «философии нравоучительныя чрезвычайным». Гросс читал свой курс, следуя книге Пуфендорфа. В 1738 г. чтение публичных лекций по логике было поручено знаменитому математику Эйлеру, метафизике — физику Крафту, нравоучению — историку Штелену. Академический регламент 1747 г. среди других наук, преподававшихся в Университете, предусматривал, что преподаются: «. . . 9) логика и метафизика . . . 12) права натуральные и философия практическая, или нравоучительная»[8]. Курс философии по распределению лекций в 1748—1766 г. был поручен профессору И. А. Брауну [9]. В печатном каталоге лекций, вышедшем к этому времени, пояснялось, что Браун

«предлагать будет руководство во всю философию», употребляя за основу книгу «Основания Вольфианской философии» Л.-Ф. Тюммига. Известно, что лекции Брауна пользовались большой популярностью у студентов, в том числе и у Якова Козельского [10]. В марте 1749 г. профессорам Академического университета было предложено представить их программы, а перевести их на русский язык поручили М. В. Ломоносову.

О ранних русских учебных философских курсах известно в науке мало. Первый такой курс на русском языке стал читать в 1755 г. в Московском университете 25-летний профессор Н. Н. Поповский, однако его философских курсов не сохранилось, имеются только две к ним вступительные речи [11]. Были ли до этого попытки дать изложение светской философской системы и ознакомить русского читателя с достижениями западноевропейской философии нового времени? На этот вопрос можно ответить утвердительно.

А. Д. Кантемир, переводя в 1730 г. трактат Фонтанеля «Разговоры о множестве миров», в «Предисловии к читателю» писал: «Труд мой был не безважен, как всякому можно признать, рассуждая, сколь введение нового дела не легко. Мы до сих пор недостаточны в книгах филозофических, поэтому и в речах, которые требуются к изъяснению сил наук» [12]. Кантемир снабдил перевод оригинальными примечаниями, в которых даются определения предмета философии, характеризуются ее части: «логика», «нравоучение», «фисика», «метафисика», раскрываются важнейшие термины: «идея», «материя» и др. Особый интерес вызывает описание философских школ от Пифагора до Декарта. Этот перевод вызвал противодействие церкви и вышел лишь в 1742 г. Более подробно свои философские идеи А. Д. Кантемир изложил в «Письмах о природе и человеке», но они увидели свет лишь в 1868 г.

Разработанную философскую систему содержал трактат В. Н. Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Труд этот, написанный в 1730-е, не был опубликован, но получил определенное распространение в рукописных списках [13]. Так же, как и Кантемир, Татищев сделал краткий обзор развития науки и философии. Заслуживает особого внимания представленная им оригинальная классификация наук.

Однако эти сочинения, хотя и ставили своей задачей ознакомить публику с элементарными представлениями о философских системах, не носили учебного характера. Более этим задачам должна была отвечать книга: «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым. Книга первая. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук. 1751 года». Г. Н. Теплов (1711—1779) был недоброжелателем и противником М. В. Ломоносова, секретарем Академии наук, фактически управлявшим ею. Он попытался популярно изложить лейбниц-вольфианскую философскую систему. Результатом его усилий стал историко-философский очерк (часть II), содержавший три главы:

«О философии варварской» (Древний Восток), «О философии греческой», «О философии средних веков и новой». Однако данный труд не завершен. Часть II включает также подробные рассуждения «О должности философии» и познаниях: историческом, философском и математическом, а часть III содержит изложение метафизики и логики, довольно короткое и неполное даже для уровня философских знаний того времени. Сочинение Теплова, видимо, не получило широкого распространения.

Особое внимание заслуживает утверждение выпускника Академического университета А. Константинова, ученика и зятя Ломоносова, о том, что великий русский ученый написал «Логику, доселе неизвестную». К Константинову перешла часть архива и библиотека Ломоносова, но никаких следов этого сочинения в настоящее время не найдено [14].

Таким образом, изучение обнаруженной в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) рукописи середины XVIII в., содержащей два курса философии на русском языке, представляет значительный интерес [15].

Первый из них называется «Краткое руковотство филозофии», второй «Краткое руковотствие к филозофии эклектической». Оба они тесно связаны между собой: второй, видимо, является расширенным вариантом, результатом переработки первого. Остановимся на вопросе происхождения рукописи, без чего невозможен анализ ее содержания.

Сочинения эти являются анонимными. Ни сам текст, ни наличие каких-либо записей не дают сведений об авторе, месте написания или последующих владельцах рукописи. Известно только, что она поступила в ЦГАДА в 1953 г. вместе с рядом других рукописей XVII—XIX вв. из Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде.

Рукопись форматом в четвертую долю листа (17×20,5), написана разными почерками, беглой, небрежной скорописью середины XVIII в. Но комментарии и термины на иностранных языках на полях, а также внешний вид рукописи позволяют предположить, что перед нами авторский оригинал. Для датировки и атрибуции рукописи важно то, что она написана на бумаге Петербургской Красносельской фабрики с водяными знаками, имеющими точную дату: «1747 году».

Попробуем в общих чертах представить содержание обоих курсов, выявить их различия и общие черты. Оба они в целом основываются на системе Лейбница—Вольфа, поэтому мы попытались сравнить их содержание с упомянутыми сочинениями Хр. Вольфа и Фр. Баумейстера. Именно таким путем можно выделить и заимствования, и оригинальные положения, содержащиеся в обоих курсах, а также провести параллели и с одним из важнейших философских произведений русского Просвещения — «Философическими предложениями» Я. Козельского (1768) [16].

Обратимся к 1-му рукописному курсу — «Краткому руковотству филозофии». Во «Вступлении» (1—3) [17] дается определение

предмета философии, близкое к определению Вольфа [18], однако без присущих Вольфу пространных рассуждений. Автор этих руководств умел схватывать самое главное, кратко давать точные определения сложных положений. В § 4 подробно трактуется о пользе философии «к поспешествованию временного нашего благополучия» — мысль, характерная для философии нового времени, развита и у Вольфа [19], и у Баумейстера [20]. Но у последнего здесь же говорится и о познании через философию «вещей божественных», чего нет в нашей рукописи. В § 5 помещено традиционное для того времени разделение философии: « . . . философия разделяется на теоретическую и практическую: теоретическая заключает в себе три науки: логику, метафизику и физику, а практическая также имеет три науки: 1) о естественных правах, 2) нравоучение, или мораль, 3) политику».

Изложение собственно курса начинается с «Логики, или Филозофии инструментальной». Во «Вступлении» (3—3 об.) дается определение логики в целом по Вольфу [21], но более четко и указывается на практическое ее значение: «. . .доказывать оные истины и опровергать неправильные других людей мнении». Внимания заслуживает § 3, где трактуется одна из основных проблем философии: «Человек состоит ис тела и души. Сии оба существа неразрывно между собою соединены, о котором соединении между учеными и поныне происходят споры». К первой части этой фразы на полях тем же почерком примечание: «Аристотелево мнение души с телом», а ко второй: «Картезий сказал, что в нас думает, то душа есть». Здесь нет положений вольфианской философии, согласно которой душа создана Богом и господствует над телом; чувствуется особое внимание автора к этому вопросу (ср. слова Я. П. Козельского: «Как мы о соответствии души и тела основательного и неоспоримого ни из опытов, ни от умствования вывесть не можем, то для того я не вступаюсь в рассуждение о сем» [22]).

Далее идет изложение логики — краткое, схематичное и незавершенное: «Глава 1-я. О понятиях» (4—6), «Глава 2-я. О рассуждениях» (6 об.—7), «Глава 3-я. О заключении» (7 об.—9).

Более пространна «Филозофия теоретическая. Часть 2-я. Метафизика». Во «Вступлении» (9 об.—10) дано определение метафизики: «Наука — первое общее познание всех вещей видимых и невидимых», более четкое, чем рассуждения Баумейстера. Далее говорится о делении метафизики на 1) «Онтологию, или Науку о вещах и свойствах ея», 2) «Космологию, или Науку о свете или о мире вообще», 3) «Пневматологию, или Науку о безплотных». Характерно, что в этом общем первом делении нет «Естественного теоретического богословия», являющегося лишь подразделением «Пневматологии» в отличие от Баумейстера, делающего «Богословию натуральную» самостоятельным — IV — разделом всей метафизики [23].

При рассмотрении «Онтологии» (10 об.—13) обращает на себя внимание тот факт, что не только само определение этого

важнейшего раздела всей теоретической философии, но и деление его лишь на две главы: I «О вещи вообще» и II «О свойствах вещей», и сами эти заголовки, и важнейшие определения понятий, в том числе материи, почти текстуально совпадают с «Онтологией» Я. Козельского [24], но отличаются от построений Баумейстера.

Вторая часть Метафизики — «Космология» (13 об.—17) в целом сходна с книгой Баумейстера [25], но более сжата — без разделения на главы. В § 1 отмечено, что «Космология» дает лишь общие понятия о мире, а конкретные свойства тел изучает физика. § 4 содержит довольно любопытную полемику с материалистической теорией строения мира у Эпикура (у Баумейстера этого нет).

Третья часть Метафизики — «Пневматика, или Наука о безплотных» разработана более подробно. Во «Вступлении» (17—18) хотя и говорится, что «...познание сих духов... немалую нам приносит пользу в... познании Бога... и есть способ наилучшей к опровержению атеистических мнений», но здесь же имеется и утверждение, что «до натуры и естества оных духов, о том философия ясного понятия дать не может». Вообще в этой части Метафизики много противоречивых утверждений. Пневматика разделяется на 1) «Ноологию, или Науку о духе человеческом» 2) «Ангелографию», или науку «Об ангелах и прочих духах» (далее в тексте этот раздел назван и трактуется по-другому). 3) «Естественную, или Теоретическую богословию».

«Ноология» состоит (18—21 об.) всего из двух глав: I «Довод натуральный: что душа есть», II «О существе души нашей», содержащих положения о том, что душа есть не материя, а дух. Вторая часть «Пневматики» озаглавлена не «Ангелография», а «Психозофия» (21 об.—22 об.). В ней кратко и достаточно скептически говорится о существовании духов без тела. «Естественное теоретическое богословие» (22 об.—28) начинается точно по Баумейстеру [26]: «Глава 1-я. Доводы о бытии Божии», «Глава 2-я. О свойствах Божиих», «Глава 3. О существе Божием». Приведем также заголовок главы 4 — «О творение Божием», но текст отсутствует, и имеющихся у Баумейстера последующих двух глав нет. Вместо этого на л. 29 — обособленный текст о коренном различии богословской морали и практической философии.

Во «Вступлении» (29 об.—30 об.) к следующему второму разделу курса — «Философии практической» в § 3 эта мысль развивается и подчеркивается: «Как прочие филозофические науки, так и сия оснуется токмо на одном здравом разуме, чего ради надобно оную отличать от богословской морали, которыя доказательства в Священном Писании берет». В § 5 дается деление практической философии, аналогичное ее делению во «Вступлении», но с развернутыми определениями этих разделов. Кроме того, здесь появляется новый термин «этика» для обозначения «морали, или нравоучения».

Однако «Краткое руковотство филозофии» содержит лишь первый раздел философии практической — «Естественное право». Он состоит из «Вступления», глав: I «О действиях человеческих

(32—36 об.), II «О должностях, к которым естественный закон нас обязует» (37—41 об.) и III «Об обществах и в них наблюдаемых должностях» (41 об.—45 об.). Этот раздел содержит особенно много авторских замечаний и комментариев на полях и во многом отличен по построению от изложения «Естественного права» у Баумейстера [27]. В последнем § 15, завершающем первый философский курс рукописи, читаем: «В сих трех главах предложенные правила называются вообще естественные законы, а когда оне сравнены будут с целыми народами, тогда оные называются народное право, которое ничто иное есть, как токмо тот же естественный закон. Который хочет сию науку пространнее читать, тот может приобрести немалую пользу в чтении Грочиевых, Пуфендорфовых, Томазиевых, Гундмиговых (?) и Воеровых (?) книг на французском и немецком языках». Такое подчеркивание значения «естественного права» отличается от схематизма вольфианской системы, а отсылка к трудам правоведов напоминает призыв В. Н. Татищева к изучению «Книг Гроциевых, Пуффендоровых и тому подобных, которые за лучших во всей Европе почитаются» [28].

Второй курс — «Краткое руковотствие к филозофии эклектической» более оригинален и подчас полемичен. В пространном «Вступлении» (46—50) выражена позиция автора, его интерес к достижениям философии нового времени: «В новейшие времена, когда уже все науки процветать начали, так и филозофия высокой степени своего совершенства достигла. Новыя филозофы описывали филозофию весьма различно, так что сколко было филозофов, столко разных описаний филозофии» (§ 3). Определение термина философии как греческого слова, означающего в переводе «любомудрие» (§ 1), традиционно. Однако определение предмета философии как «науки, или основательного и ясного познания всех возможных дел и вещей» (§ 4) не содержит слов «...вещей естественных и преестественных», имеющихся в первом курсе рукописи (1) и у Кантемира.

Деление философии здесь (§ 11—13) отлично от деления в «Кратком руководстве философии». Логика не входит в «Философию теоретическую», а составляет особый раздел — «Философию инструментальную». В «Теоретической философии» самостоятельную часть составляет «Пневматология». Некоторые развернутые определения всех разделов несколько отличны от определений первого курса.

Принципиальное положение содержит § 14: «Всяко филозофическое познание должно быть основано на здравом разуме и потому те вещи, которых мы разумом понять не можем, к филозофии не принадлежат. Из его следует, что богословие или теология ... не принадлежит к филозофии». Таким образом, неизвестный русский автор еще за 20 лет до «Философических предложений» Я. П. Козельского отказался от одной из составных частей вольфианской системы.

Интересным и оригинальным представляется аргументированное разделение «филозофии в разсуждение мнений филозофиче-

ских» на «сектирическую» и «эклектическую», тем самым обосновывающее название всего курса [29]. Термину «эклектическая филозофия» придается более широкое значение, чем название одного из течений древнегреческой философии (об «эклектической секте» кратко писал Теплов [30]). Эклектическая философия противопоставляется Аристотелю и средневековой схоластике, которая «не может нимало поострить разума нашего» и «противна многим новым изобретениям к распространению наук полезным» (49). Главой «новых филозофов» — эклектиков провозглашается Рене Декарт, приводятся даже краткие данные из его биографии (49 об.). За этим следует список «славных эклектиков»: «1. Гроций. 2. Пуфендорф. 3. Лок. 4. Бель. 5. Клерк. 6. Невтон. 7. Томазий. 8. Рудегер — всю писал философию. 9. Чирнчгаус. 10. Францут Баком. 11. Томбес. 12. Гасенди, Епикуру последовал. 13. Гундлинг. 14. Лейбниц. 15. Волф. 16. Будей. 17. Баиммеистер. 18. Ернекст и протчия». Этот перечень наглядно демонстрирует широкий кругозор автора, его симпатии и антипатии. Однако он этим не ограничивается и предлагает читателю своего курса «Краткое описание филозофов» (50 об.—53) связанный и аргументированный обзор философских школ, начиная с Древней Греции и кончая появлением «эклектической» философии Декарта. Это перекликается с сочинениями Татищева и Кантемира, считавшими необходимым дать сведения о развитии философии с древнейших времен, и предвосхищает работу Теплова.

Наиболее полно разработана в «Кратком руковотствие к филозофии эклектической» часть первая — Логика. В «Приуготовлении» (53—54) дается толкование предмета логики, которая, согласно определению древних и новейших философов, есть «наука о исправлении или изащрении разума нашего в точных разыскиваниях правды и лжи». Здесь же обосновывается деление логики на три части, первые две («теория логики») описывают: 1) разум, 2) «генеральную правду» (истину), а третья является «Практической логикой» и, в свою очередь, делится еще на четыре раздела. Это деление отличается от деления Логики Баумейстера на две части, где теоретической называется лишь первая часть «О трех умах действия», а понятие об истине включено во вторую часть «Об употреблении логики».

В части 1 логики «О разуме» главы I «О разуме вообще» (54 об.—55 об.) автор прямо признает, что принимает «определение разума, данное господином Вольфом», однако вводит и свое понятие, «русское слово ум», которое определяет, как «сила души человеческой, посредством которой человек вещи и действия познает». Любопытны рассуждения о понятиях «умный человек», «тупой», «дурак», «глупый». Следующие главы: II «О понятии» (56—60), III «О словах и определениях» (60—60 об.), IV «О рассуждении» (60 об.—62), V «О разуме или о заключении» (62—66) основаны в целом на Логике Вольфа, как указывает автор, но более четкие и ясные, не содержат рассуждений о понятии Бога [31] и близки к главе первой Логики в «Философических предложени-

ях» Козельского[32]. Эту часть Логики также можно сопоставить с Логикой первого курса (3—9); текстуальная близость очевидна. Сравнивая их, легко проследить характер переработки и дополнений.

Часть вторая логики «О познании истины» является новой по сравнению с первым курсом. Она также построена на логике Вольфа—Баумейстера, но отличия от немецких учебников опять сближают ее с «Философическими предложениями» Козельского. Так, заголовок этого раздела у него: «Об употреблении сил человеческой души к познанию истины»[33], у Баумейстера этот раздел, как уже сказано выше, не выделен из общей второй части «Об употреблении логики».

Глава I второй части Логики в рукописи озаглавлена «О истине и о разных ее родах» (67—68 об.). В ней употребляется второй термин для «истины» — «правда», «истина» оригинально подразделяется на «идеалитическую», «рассудительную» и «заключительную» (у Баумейстера: «метафизическая», «этическая», «логическая»[34]; у Козельского: «естественная», «нравоучительная», «логическая»)[35]. Истина определяется как «сходство мыслей наших о вещах с самими вещами»[36].

Гносеологические проблемы рассматриваются в следующих главах: II «О познании истины и о первых основаниях» (68 об.—71 об.) и III «О подлинных вещах, требующих доводов и о доказательстве подлинном и логическом» (71 об.—75). Процесс познания истины определяется в главе III двояко: через «искусство» (т. е. опыт), «либо разумом, посредством силлогизмов». «Разум и искусство» взаимосвязаны и помогают друг другу. В связи с этим в § 5 автор призывает к изучению всех «наук и художеств», «хотя бы помалу». Интересно разделение наук на «высокие»: философия, богословие, юриспруденция, медицина и математика; «вольные»: «совершенное знание языков и штиля», «критика филозофии», риторика, география, история, в том числе и вспомогательные исторические дисциплины — генеалогия, хронология и геральдика. Также необходимы человеку в познании истины «благородные художества»: рисование, музыка и др. Это внимание к науке, характерное для русских мыслителей XVIII в., сближает неизвестного автора с В. Н. Татищевым, хотя его деление наук и художеств имеет отличия.

Из наук, по мнению автора (§ 6), и берутся доказательства истины, которые разделяются на «подлинные» и «вероятные». «Подлинное» доказательство называется также «логическим», или «математическим», а начало употребления этого доказательства истины в философии относится ко «времени господина барона Лейбница и Вольфа» (§ 7). Вольф также «почитается изобретателем» двух других разновидностей «математического» доказательства: «аналитического порядка» и «синтетического порядка» (§ 8, 9, 10).

Глава IV «О вероятности» традиционно делит понятия на вероятность историческую, физическую и политическую (Баумей-

стер: историческая, физическая, герменефтическая, политическая и практическая)[37]; Козельский вообще отказывается от деления этого понятия, которое он определяет термином «правдоподобие»[38]. Интересны рассуждения о «вероятности исторической» (§ 6—10) — своеобразна теория источниковедения, более развернутая, чем отдельные положения Баумейстера[39].

«Практическая логика», выделенная в отдельную III часть, делится на главы: I «О изобретении истин» (76 об.—80); II «О рассмотрении чужих мнений и о рассуждении, и о доброте книг, то есть о критике» (80—83); III «О пользе чтения книг и о выборе доброго учителя» (83 об.—85); IV «О уверении, опровержении неправильных мнений и о споре» (85—86 об.). В целом такое построение также достаточно традиционно. Однако автор все время старается подчеркнуть роль науки и просвещения. Особенно оригинально и интересно тщательно разработанное описание исторической науки в главе II. История разделяется на «политическую», «церковную», «натуральную», «литтеральную» и «художественную» (§ 5). В понятие «политической истории» включается не только описание собственно истории, «образа правления» и «главных узаконений государства», но и описание «торгов, состояния наук и художеств, фабрик, заводов, плодоносных земель» и т. д. (§ 6). В «церковной истории», по мнению автора, необходимо уделить внимание описанию причины разделения Восточной и Западной церкви, а также на «знатных еретиков» (§ 7). Под «натуральной историей» понимается описание природы (§ 8). «Литтеральная история» изучает «древнее и новое состояние наук» и «различные мнения ученых». Здесь же подчеркнуто значение «описания научных книг», т. е. библиографии (§ 9). «Художественная история» должна ясно представить начало и происхождение «разных художеств и различных машин» (§ 10).

Вторая часть второго курса — «Филозофия теоретическая» начинается с «Метафизики». В кратком «Приуготовлении» (87—87 об.) в отличие от «Вступления» в «Метафизике» первого курса нет обоснования ее разделения на «Онтологию», «Космологию» и «Пневматологию». «Метафизика» определяется только как «Онтология», или наука о «вещах вообще и их главнейших свойствах». Словом, все, что касается «вещей бесплотных», в данном курсе исключено из важнейшей части философии. Здесь же в «Приуготовлении» в § 1 резко критикуется схоластика, однако в § 2 отмечено, что и «новые философы не согласуются в именовании сея науки». Первые две главы «Метафизики» — I «О вещи вообще» (87 об.—88а) и II «Об общих вещей свойствах» (88а об.—91 об.) очень близки к I—II главам «Метафизики» первого курса и совпадают с «Метафизикой» Я. П. Козельского. Во втором же курсе прибавлены еще глава III «О сложных вещах» и IV «О единаких вещах» (т. е. о простых вещах) (92—97). В целом здесь автор следует вольфианскому признанию нематериальных «единаких (простых) вещей» первоосновой материальных тел — «сложных вещей». Однако в определении понятия «простых

вещей» явно проступает скептическое отношение автора к несомненному для вольфианцев их возникновению из «ничего» и возможному превращению в «ничто». Уже в § 1—3 он утверждает, что само существование вещей, не имеющих «никаких частей» и «неизчего сложенных», требует доказательства. Далее в § 5—7 он пишет, что сотворение и исчезновение «единаких вещей», т. е. нематериальных объектов, «разуму нашему непонятно». Отношение к этому вопросу сближает нашего автора с позицией Я. П. Козельского: «О частицах, из которых состоят тела, по незнанию не писал я; а другие писатели хотя и пишут об них, однако не могут доказать простые они или сложные вещи»[40].

Кроме глав III и IV, в данном изложении «Метафизики» имеется еще одна глава без номера, названная «Прибавление к Онтологии. О согласии вещей» (97 об.—98 об.). Здесь объясняются понятия: «Основание», или «причина», «намерение» и «средства».

Как уже было сказано выше, во втором курсе в отличие от первого «Пневматология» не входит в состав «Метафизики» и выделена в самостоятельную часть теоретической философии. В «Приуготовлении» (§ 4) сказано, что отделили эту науку от «Метафизики» «новые философы» (в вольфианской системе она является неразрывной частью метафизики). Разделение «Пневматологии» на три части в § 5 сходно с ее разделением в первом курсе: 1) «Ноология, или наука о душе человеческой...», 2) «Психология, наука о протчих бесплотных» (автор курса, как мы уже видели, никак не может найти точного термина для этого раздела. — *Авт.*); 3) «Теология, или Богословия естественная...» Здесь просматривается некоторое противоречие. Как уже отмечалось, во «Вступлении» к этому курсу автор отрицал принадлежность богословия к философии. Здесь же он, видимо, не решился нарушить четкое построение вольфианской системы. Однако уже в § 6 утверждается, что «понеже вся философия должна быть основана только на здравом разуме, того ради, ежели мы хотим духов и Бога филозофически познавать, то должно об оных разсуждать, не принимая в помощь никакова откровения». Это рационалистическое положение деизма содержится в философии Лейбница—Вольфа. Но автор курса, отметив свое рациональное отношение к религии, служащей к «порядочному сожитию в гражданском обществе» (§ 8), видимо не интересовался богословскими проблемами, и во втором курсе освещен лишь первый раздел «Пневматологии» — «Ноология», раскрывающий свойства человеческой души, более ясные и понятные, чем «протчие бесплотные духи».

Раздел этот разработан намного подробнее, чем в первом курсе. Во «Вступлении» (101 об.—102) отмечается, что о душе можно рассуждать «искусством» (т. е. опытом) и «разумом» (§ 2) и из этого следует разделение «Ноологии» на две части, первая из которых «представляет бытие, силы и действия души человеческой», а вторая «описывает существо, и оттуда происходящие свойства души разумом понимаемые» (§ 4). Курс, однако, содержит лишь первую из этих частей, состоящую из четырех глав.

В главе I «О бытии души нашей» (102—103 об.) критикуются древние и новые философы, отрицавшие наличие души (§ 1), которая определяется как «существо, что в нас мыслит или думает» (§ 2). В свою очередь, процесс мышления имеет целью «познать себя или другие внешние вещи», а мысли разделяются на «понятия», «рассуждения» и «заключения». В общем эти положения довольно традиционны[41]. Достаточно традиционны и следующие главы: II «О силах и действующих души вообще ко познанию соображении и памяти особливо, яко нижней степени нашего познания»; III «О верхней степени познания, т. е. о разуме человечестем и действиях оного» (108 об.—112 об.); IV «О бренных страстях и о пристрастиях» (112 об.—116). На этом рукопись оканчивается. Следующих глав «Ноологии», где у Баумейстера толкуется о «согласии души и тела»[42] и о «бессмертии души»[43], нет. Нет, как уже было отмечено выше, и других частей «Пневматологии». Нет в этом курсе и целого раздела — «Практической философии», хотя развернутое определение дано во «Вступлении» (§ 13). И если часть 1 этого раздела «Естественное право» имеется в первом курсе, то две другие упомянутые части — «Мораль» и «Политика» отсутствуют в обоих «Кратких руководствах философии». Возможно, автор не ставил задачу раскрывать эти специальные разделы философии и упомянул их в предисловии по традиции, однако, не исключена возможность, что «Руковотствие» было продолжено в другой рукописи.

Тем не менее, несмотря на некоторую незавершенность, оба курса охватывают основные разделы философии XVIII в., и на основании их сравнительного анализа можно сделать некоторые предварительные выводы. Оба курса, очевидно, написаны одним автором и второй — «Краткое руковотствие к философии эклектической» — более зрелое произведение, с более четко выраженной концепцией. Несомненна оригинальность этих, видимо, одних из самых первых философских курсов на русском языке. Хотя многое в построении разделов, заголовках глав заимствовано из немецких учебников[44], это, безусловно, самостоятельные произведения, а их неизвестный автор — личность, критически мыслящая. Попытка проведения некоторых параллелей с сочинением Я. П. Козельского, конечно, требует дополнительных исследований, прежде чем можно было бы сделать какие-либо выводы о преемственности[45]. Однако изучать рукопись в русле ее связи именно с ученым миром Петербурга и, конечно, в первую очередь Академического университета кажется нам перспективным.

Вниманию читателей предлагаются фрагменты «Краткого руковотства философии» и «Краткого руковотствия к философии эклектической».

[1] Переводчиком этого труда был директор Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса М. С. Бегичев (см.: Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1). Нам известен не упомянутый в данном Словаре еще один перевод сочинения Хр. Вольфа, сделанный М. С. Бегичевым в 1769 г., под названием

«Разумные мысли о действиях натуры любителей правды» (ЦГАДА. Ф. 187. Оп. 2. № 186). Рукопись представляет собой автограф. Переведенный труд был написан Вольфом, очевидно, по заказу Петра I, ему посвящен и передан в 1723 г. (см.: *Wolf Ch.* Briefe aus den Jahren 1719—1753. Petersburg, 1860. P. 166).

[2] См.: *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время (1725—1740). М., 1976. С. 256.

[3] Интересно отметить, что использованный нами экземпляр этого издания из Библиотеки Ф. Ф. Мазурина, хранящийся ныне в ЦГАДА, в конце XVIII — начале XIX в. принадлежал «экономическому крестьянину» Федору Борисовичу Борисову.

[4] См.: *Ничик В. М.* Из истории отечественной философии конца XVII—начала XVIII в. Киев, 1978; *Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982.

[5] См.: *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 98.

[6] См.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., Б. г. Т. 6. С. 625.

[7] См.: *Кулябко Е. С.* Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962. С. 34.

[8] *Толстой Д. А.* Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. С. 18.

[9] См.: Там же. С. 19.

[10] См.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета Л., 1977. С. 40, 90, 103, 115, 137, 189, 192.

[11] См.: Ежемесячные сочинения. 1755, август. Т. II; *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Неизвестная речь Николая Поповского // История СССР. 1980. № 3.

[12] *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. II. С. 391.

[13] См.: *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. I—VII.

[14] См.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. С. 103—105; также см.: *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.

[15] ЦГАДА, ф. 188, № 613.

[16] Я. П. Козельский сам признавал, что «материю теоретической философии» заимствовал у Ф. Х. Баумейстера, и в связи с этим между сочинением Козельского и рассматриваемыми курсами много общего в построениях, общих положениях и т. д. Сравнивая труд Козельского с теми же изданиями Баумейстера, которые используем и мы, исследователи (Ю. Я. Коган и И. Я. Щипанов) выделили то новое, что внесено Козельским в вольфианскую систему. Однако нам кажется, не все здесь ясно и бесспорно. Некоторые положения Вольфа и Баумейстера трактуются как оригинальные взгляды Козельского.

[17] Здесь и далее в тексте ссылки на листы рукописи.

[18] *Вольф Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб., 1765. С. 1—3.

[19] Там же. С. 3.

[20] *Баумейстер Фр.* Логика. М., 1760. С. 7.

[21] *Вольф Хр.* Указ. соч. С. 7.

[22] *Козельский Я. П.* Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. I. С. 417.

[23] *Баумейстер Фр.* Метафизика. М., 1764. С. 7—8.

[24] См.: *Козельский Я. П.* Указ. соч. С. 447—458.

[25] *Баумейстер Фр.* Метафизика. С. 100—130.

[26] См.: Там же. С. 223—256.

[27] См.: *Баумейстер Фр.* Нравоучительная философия. М., 1788.

[28] *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[29] Из известных нам сочинений середины XVIII в. этим термином пользовался только литовский философ К. Нарбут, издавший в 1761 г. «Принципы эклектической философии» на латинском языке.

[30] См.: *Теплов Г.* Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751. С. 217.

[31] См.: *Вольф Хр.* Указ. соч. С. 14—15.
[32] См.: *Козельский Я. П.* Указ. соч. С. 422—440.
[33] Там же. С. 440.
[34] *Баумейстер Фр.* Логика. С. 123—124.
[35] *Козельский Я. П.* Указ. соч. С. 440.
[36] Это определение есть и у Баумейстера (см.: *Баумейстер Фр.* Логика. С. 124), и у Козельского (см.: *Козельский Я. П.* Указ. соч. С. 441). Между тем в «Истории философии в СССР» (М., 1968. Т. 2. С. 52) оно названо «исходным материалистическим положением» Козельского.
[37] *Баумейстер Фр.* Логика. С. 166.
[38] *Козельский Я. П.* Указ. соч. С. 441.
[39] *Баумейстер Фр.* Логика. С. 167—175.
[40] См.: *Козельский Я. П.* Указ. соч. С. 452.
[41] См.: *Баумейстер Фр.* Логика. С. 133—135.
[42] Там же. С. 207—212.
[43] Там же. С. 212—216.
[44] О «скрытой полемике» Козельского с Хр. Вольфом см.: *Артемьева Т. В., Микешин М. И.* Христиан Вольф и русское вольфианство // Филос. науки. 1990. № 1. С. 72.
[45] Остерегаясь окончательных выводов, можно указать на некоторое сходство одного из почерков рукописи с почерком Я. П. Козельского (образец его почерка периода обучения в Академическом университете воспроизведен в статье: *Коробкина О.* К биографии Якова Козельского // Учен. зап. ЛГУ. 1955. № 200. С. 197). Безусловно, необходимо попытаться сравнить образцы почерков рукописи с почерками других студентов Академического университета этого времени.

Л. 1 # КРАТКОЕ РУКОВОТСТВО ФИЛОЗОФИИ

Вступление

§ 1

Филозофия есть наука, или основательное ясное понятие всех возможных дел и вещей, как естественных, так и преестественных: почему мы такое познание посредством нашего разума достигнуть можем к поспешествованию временного нашего благополучия.

§ 2

Все, что в филозофии ни заключается, должно неложными быть доказано доводами, потому филозов не токмо должен знать, что нечто в натуре бывает, но должен еще и доказать, для чего оное так происходит. //

Л. 1об.

§ 3

Понеже филозофия требует ясных и основательных понятий к познанию своих вещей, а кроме человека никакая тварь таких понятий иметь не может, из сего следует, что токмо человек, а никакая иная тварь сей науке учится может.

§ 4

Человек разсуждается в несовершенном состоянии в разсуждении разума своего, сей, когда изощрен не будет, никогда в состоянии быть не может ясных и обстоятельных иметь понятий, которых необходимо филозофия требует. //

Л. 2 Понеже по приобретении оных понятей человек побужден бывает, разсуждая прежде о предстоящих ему предприятиях, смело оные в действо производить, а что счасливо в действо произведено быть может, а особливо то, что к поспешествованию временнаго нашего благополучия потребно, самым благополучным назваться может; а понеже филозофия ясные обо всех вещах нам дает понятия, такожде и о действии человеческие предлагая нам регулы, то всякой лехко рассудить может, что оная всякому неполезна быть не может. //

Л. 2об.

§ 5

Сия наука толко наш разум острит, подавая ему ясных вещей понятии, но еще побуждает и склоняет волю нашу к произведению в действо ясных показаных дел, которое благополучие человеческое, хотя токмо временно, споспешествовать могут, и потому филозофия разделяется на теоретическую [и] практическую. *Теоретическая* заключает в себе три науки — логику, метофизику и физику; а практическая также имеет три 1) науку о естественных правах, 2) нравоучение, или мораль 3) политику — о которых все в надлежащем

Л. 3 порядке // в сем руковотстве в кратце объясняем.

ФИЛОЗОФИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЛОГИКА, ИЛИ ФИЛОЗОФИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ

Вступление

§ 1

Логика есть наука разум человеческий в рассматривании истины порядочно употреблять. Она учит не токмо познавать, что правда или ложь есть, но дает еще и правилы ко изысканию новых, ище неизвестных, истин, доказывать оные истины и опровергать неправильные других людей мнений. //

[На полях — тем же почерком, что и текст: «Lagos' происходит от греческого языка, по-русски Слово». Другим почерком — на нем. (?) и на лат. нрб.]

Л. 3об. Мы начнем прежде рассматривать силы человеческие, а особливо силы души, а потом покажем, какая сила души к произведению показанных вещей способ[н]а.

§ 3

Человек состоит ис тела и души. Сии оба существа неразрывно между собою соединены, о котором соединении между учеными и поныне происходят споры.

[На полях — тем же почерком, что и текст: «Аристотелево мнение души с телом»; «Картезий сказал, что в нас думает, то душа есть».]

§ 4

То существо, которое мы себе о других вещей различать можем и что в нас мысли производит, называется душа.

§ 5

Она имеет два *действа* или силы — *разум* и *волю*. [Запись на полях на нем. (?) нрб.] //

Л. 4

§ 6

Разум есть сила души человеческой, которым человек возможные себе вещи предъставляет.

§ 7

Разум имеет три действия, или силы. 1-е *чувствия* 2-е *разсуждение* 3-е заключение.

Глава 1-я

О понятиях

§ 1

Чувствовать называетца то: когда мы какую вещь в мысли представляем, хотя оная действительно при нас или вне нас находитца.

§ 2

Когда происходящее сие чувствие душа ощищает и о том обнадежна, то показывает она себя и вещъ и различает оную от других видимых вещей. //

Л. 4об.

§ 3

Еже ли какое чувствие так и знание в душе вдруг производит, то сии действия называетца *мысль*, или *дума*.

§ 4

Все, что мы нечувствуем или в мысли себе представляем, суть видимыя или невидимыя вещи.

§ 5

И потому понятие — есть представление какой ни будь вещи в мысле; пребывает в душе нашей то, о чем мы понятие имеем, называетца *объект*, или вишно видимая вещь.

§ 6

Понятие о вещах, когда бывает *ясное* и когда *темное*. Ясное понятие называетца, которым представленную вещь тот час
Л. 5 узнать и назвать // можем, а темное понятие есть то, когда мы невдруг, а иногда и совсем понять неможем.

§ 7

Ясные понятия бывают явственные, когда кто может знаки или свойства представленные нам вещи другим рассказать; когда же сего кто зделать не в состоянии, тот имеет *неявственное* понятие о тои вещи.

§ 8

Явственное понятие бывает обстоятельное, а иногда недостаточное, обстоятельное понятие есть такое, когда мы можем знаками и свойствами представленные нам вещи оных от всех вещей при всяких обстоятельствах различать, а *недостаточное* понятие называетца то, когда мы сего зделать не в состоянии. //

Л. 5об. § 9

Понятии бывают, наконец, *совершенные* и *несовершенные*. Совершенные называются те, когда мы о знаках, или составах преставленной вещи, опять ясные понятии иметь можем, а несовершенные те, когда мы о знаках или свойствах никакой вещи ясных понятей не имеем.

[На полях — запись на лат., нрб.]

§ 10

Когда понятие о какой вещи бывает ясное, а при том искательное, то называется оное *объяснение вещи*, иногда кто о какой вещи имеет хотя ясные, но токмо недостаточные

понятии, то оную вещь токмо описать возможет и такое понятие зовется *описание.* //

[На полях — записи на лат., нрб.]

Л. 6

§ 11

Понятии происходят от пяти чувств телесных по мнению Аристотеля.

§ 12

Та сила души нашей, которую мы прежде видимые, слышанные, осущенные и протчие себе вещи пре[д]ставляем ясно или неясно, называется *магинатция*, или *фантазия*, которое действие и во сне с нами случается.

[На полях записи на нем., нрб.]

§ 13

Когда кто несовершенно обнадежен, что вещь, которую он посредством помянуто[й] имагинации себе представил, та же есть, которую прежде знавал, то сия сила души нашей зовется **вспоминание.**

[На полях записи на нем., нрб.]

§ 14

Когда мы подлинно уверены, что оная вещь та же есть, которую мы прежде знавали, то сия сила души называется *память.*

[Далее глава 2 «О разсуждении»]

Л. 46

КРАТКОЕ РУКОВОТСТВИЕ К ФИЛОЗОФИИ ЭКЛЕКТИЧЕСКОЙ

Вступление

§ 1

Филозофия на греческом языке значит *любомудрие* и производит от греческаго слова Philein to Sophia, то есть любовь к премудрости.

§ 2

Древние филозофы описывали филозофию различным образом. Цицерон во второй книге и в третьей главе «о должностях» называет филозофию познанием божественных и человеческих вещей. Пифагор, которой первой себя назвал филозофом (ибо до нево все прочие назывались Sophi, то есть премудрыя) называет филозофию воспоминове-

нием смерти, а божественный Платон называет оную соединением с Богом.

§ 3

В новейшие времена, когда уже все науки процветать начали, так и философия высокой степени своего совершенства
Л. 46об. достигла. // Новыя философы описывали философию весьма различно, так что сколко было философов, столко и разных описаний философии.

§ 4

По нашему мнению, философия есть наука, или основателное и ясное познание всех возможных дел и вещей, поелику мы оное посредством единаго нашего разума, к поспешествованию нашего благополучия преобрести можем.

§ 5

Основателное познание называетца то, когда кто о какой вещи причину сказать и подлинность или вероятность оныя доказать может.

§ 6

Филозов есть такой человек, которой не токмо знает, что какая вещь есть возможна, но и предписанныя ему в филозофии правила исполняет.

§ 7

Понеже философическое познание должно быть основателное и ясное, то лехко понять можно, что такое познание от поверхнаго или от гисторическаго познания весма разнствует,
Л. 47 ибо в философии // должно знать причину как или почему какая вещь или действие возможно, и подлинность тоя вещи или действие надлежит доказать неспорно или вероятно. Сие философическое познание должно и побуждать волю нашу к наблюдению нам в философии предписанных правил.

§ 8

Основателное познание дел или вещей немало способствует к поспешествованию блаженства человеческаго рода, ибо такое познание весма щасливыми нас учинить может, подовая нам точное познание всех вещей и действий.

§ 9

Блаженство, или благополучие, называетца неперерывное удоволствие в человеческой жизни. Удоволствие происходит от познания совершенств вещей и действий человеческих. Из сего следует, что в филозофии должно первое изъяснить существо и своиствы возможных вещей; второе [зачеркнуто одно слово, нрб.] и предписать правила, которыми человек действии своими управлять мог.

§ 10

Дабы разпознать могли, что в свете есть правда, и што
Л. 47об. ложь и познавать // сии действии наши к благополучию нашему потребны изполняли, что все немало зависит от нашего разума, и того ради в первой части филозофии должно показать правила, каким образом разум наш изощрен познавать истину и ложь. Сия наука называется *логика*, или *филозофия инструментальная*.

§ 11

Вси возможное в свете разделить можно на вещи и на действия человеческия. Наука всех возможных вещей называеца филозофия теоретическая, и немало служит ко изощрению нашего разума, а наука о действии человеческих называтца практическая филозофия.

§ 12

Теоретическая филозофия имеет три части, из которых

I. Метафизика, или онтология, которая дает общее понятие всех вещей, описывает существо и главные их свойства.

II) Пневматология наука о невидимых или о безплотных вещах, яко о Боге, о душе нашей и о протчем. //

Л. 48 III) Физика, или наука всех естественных и материалных вещей, описывает особливыя свойствы и действии каждого, находящагося в свете, тела.

§ 13

Практическая филозофия имеет также три части, а именно:

I) Наука о естественном законе, по латыне [пропуск], которая показывает каким образом жить справедливо, предлагая нам к тому должности.

II) Мораль, или нравоучение, — наука о преобретении благополучия посредством добродетели.

III) Политика, которая предписует правила, каким образом поступать, живучи в обществе экономическом или гражданском. //

Л. 48об.

§ 14

Всяко философическое познание должно быть основано на здравом разуме и потому те вещи, которых мы разумом понять не можем, к философии не принадлежат. Из сего следует, что богословие, или теология, которая описывает вещи божественны[е] и разуму нашему непостижимые, не принадлежит к философии.

§ 15

Всяк лехко понять может, что философия есть нужнейшая и полезнейшая наука, ибо не токмо изощряет разум наш, подавая как о всем свете находящихся вещах ясное понятие, но и немало побуждает волю нашу к предприятию действий к поспешествованию нашего благополучия потребных, она такожде назватся может началом и основанием и других
Л. 49 высоких наук, // а именно богословии, медисине, гражданскому праву, математике и гистории и все сие немало показывает ея изрятна и великую ползу.

§ 16

Философия в разсуждении мнений философических разделится может на *сектирическую* и на *эклектическую*.

§ 17

Сектирическая называется та, когда кто с философических учениях последует мнению других людей, не испытывая, правда ли то, или нет. Например, как в древния варварские времена, так и ныне еще в некоторых католических землях, последуют в философии Аристотелевым учениям. Сия философия [«на» — зачеркнуто] казатца неможет нимало поострить разума нашего, ибо тот, которому последуем, может в философических учениях иметь великое заблуждение и незнание. Сие также противно и многим новым изобретениям, к распространению наук полезным. //

§ 18

Эклектическая философия называется та, когда в философических учениях, ничего за правду не принимаетца, пока разумом своим ясно понять и другим точно доказать не может.

§ 19

Кто в эклектической филозофии упражняться желает, тому надлежит мнения древних и новых филозофов рассматривать по правилам логическим и которые мнение с реченными правилами более сходствует, то должно и принимать.

§ 20

Первой эклектической филозов был Ренат Картезий, которой жил в 17-м веке по рожестве Христове. Родился во фанцузской провинции Тюрене в городе Лагес 1596 году.
Л. 50 После его были следующие славные екликтики, а именно //

1 Гроций
2 Пуфендорф [на полях: «Изобрел Jus natur».]
3 Лок
4 Бель
5 Клерк
6 Невтон
7 Томазий
8 Рудегер, всю писал филозофию
9 Чирнчгаус
10 Фрнцут Баком
11 Томбес
12 Гасенди, Епикуру последовал
13 Гундлинг
14 Лейбниц
15 Волф
16 Будей
17 Баиммеистер
18 Ернекст и протчия

[Далее раздел «Логика»]